

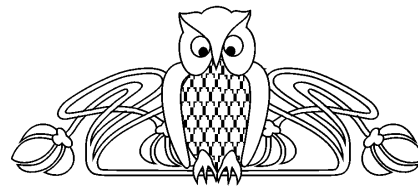

УДК 316.613

МОДЕЛЬ ОПТИМАЛЬНОЙ ОТЛИЧИТЕЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО «Я»

Ю.В. Ставропольский

Саратовский государственный университет
E-mail: StJulius@yandex.ru

Теория оптимальной отличительности представляет собой развитие теории «я»-категоризации, разработанной для объяснения причин, по которым индивиды стремятся к идентификациям с социальными группами, и для объяснения роли социальных идентичностей в достижении и сохранении устойчивой и стабильной «я»-концепции

Ключевые слова: идентичность, «я»-концепция, оптимальный, когнитивный, инклюзия.

Social «Self» Optimal Distinctiveness Model

Yu.V. Stavropolsky

Optimal distinctiveness theory manifests «self»-categorization theory development, elaborated for the sake of eliciting reasons due to which individuals strive for identifications with social groups as well as for clarifying social identities' roles in attaining and maintaining a steady and fixed «self»-concept.

Key words: identity, «self»-concept, optimal, cognitive, inclusion.

До последнего времени социально-психологические теории «я» сосредоточивались на индивидуальных «я»-концепциях – на ощущении человеком уникальности идентичности, дифференцированной от других людей. Однако кросскультурная перспектива возродила интерес к социальным аспектам «я» и к тому, в какой степени люди определяют себя по отношению к другим людям и социальным группам¹. Центральная идея этой перспективы состоит в том, что связанность и принадлежность – это не просто аффилиация и альянсы между «я» и другими, но фундаментальные различия в том, каким способом конструируется «я». Социальное «я» репрезентирует расширение «я»-концепции до чего-то более инклюзивного, нежели индивидуальная личность.

Развитие теории социальной идентичности² и производной от неё теории «я»-категоризации отчасти стимулируют такое изменение во взгляде на природу «я» в социальной психологии. Теория социальной идентичности обозначает фундаментальное различие

между двумя разными уровнями «я»-репрезентации – личностной идентичностью и социальной идентичностью – при допущении того, что существует базовая дискретность между двумя этими уровнями. Социальные идентичности – это аспекты «я»-концепции, ассоциированные с членством в значимых социальных категориях. Они предполагают «сдвиг» в направлении восприятия «я» в качестве взаимозаменяемого представителя некоей социальной категории и уход от его восприятия как уникальной личности³.

В соответствии с теорией «я»-категоризации переход от личностного к социальному уровню идентичности это, прежде всего, – когнитивный процесс между уровнями включенности (инклюзивности), на которых происходит категоризация «я». Она может варьироваться по степени включенности от наименее инклюзивной индивидуальной «я»-концепции до таких социальных категоризаций, которые предлагают ингрупповое/аутгрупповое различие в суперординационных категоризациях⁴, управляющих всеми людьми. Когда задействована конкретная социальная идентичность, тогда изменяются и структура, и содержание «я»-концепции. Различные уровни социальной идентичности ассоциированы с трансформациями в определении «я» и составляют основу для самооценки.

В качестве когнитивной модели идентичности теория «я»-категоризации акцентирует те контекстуальные факторы, которые в данном социальном окружении придают приоритетность и смысл конкретным социальным категоризациям⁵. Несмотря на то, что свойства стимула в непосредственном инвайронменте могут объяснять многие вариации и приоритетность в активации социальной категории членства, подобные когнитив-

ные механизмы представляются неадекватными для объяснения степени эмоциональной вовлеченности и поведенческой приверженности, ассоциированными с определенными социально-групповыми идентификациями. Эти свойства также неспособны объяснить типичные либо кросситуативные групповые идентификации, которые обнаруживаются у многих индивидов, даже при условиях, в которых эти социальные идентичности не являются особенно релевантными либо обеспечивающими преимущества. Ясно, что социальная идентичность имеет не только когнитивные, но и мотивационные истоки.

Теория оптимальной отличительности М. Брюер⁶ представляет собой развитие теории «я»-категоризации, разработанной для объяснения причин, по которым индивиды стремятся к идентификациям с социальными группами, и роли социальных идентичностей в достижении и сохранении устойчивой и стабильной «я»-концепции. Эта теория основана на том, что отличительность как таковая лежит в основе выбора социальных идентичностей и их значения независимо от позитивного оценивания членства в конкретных социальных категориях. В соответствии с моделью оптимальной отличительности социальные идентичности возникают из фундаментального противоречия между человеческими потребностями в легализации и сходстве с другими, с одной стороны, и противобесной потребности в уникальности и индивидуальности, с другой стороны⁷. Предполагается, что социальные идентичности выбираются и активизируются в той степени, в какой они помогают достичь баланса между потребностями во включенности и в дифференциации в социальном контексте.

Основная гипотеза этой модели предполагает, что две потребности идентичности (инклюзия/ассимиляция и дифференциация/отличительность) независимы и действуют противоположным образом, мотивируя групповую идентификацию. Индивиды стремятся к социальной инклюзии с целью смягчить или избежать изоляции либо стигматизации, которые могут возникнуть как следствие высокой индивидуализации. Потребность в сопричастности – это мощная, фундаменталь-

ная и крайне распространенная мотивация⁸. Исследования символического поведения и солитарного статуса позволяют обнаружить, что люди испытывают когнитивный дискомфорт в тех ситуациях, в которых слишком отличаются от других. Но и слишком большое сходство или избыточная деиндивидуация не создают основы для сравнительной оценки либо для «я»-дефиниции, следовательно, индивиды также переживают дискомфорт, когда у них отсутствует отличительность. Возникновение любого из этих мотивов ассоциировано с негативными эмоциями и должно мотивировать изменение в уровне «я»-идентификации.

Один из параметров, по которому может варьироваться «я»-категоризация, – это степень инклюзивности в социальную категорию, внутри которой классифицируется личность. Некоторые категоризации соответствуют широким инклюзивным социальным группам, объемлющим многих индивидов с малым количеством общих характеристик (например, гендер, раса, национальность), другие – относительно эксклюзивны, основаны на сильно отличающихся характеристиках или множественных общих чертах (например, слабо слышащие люди или американцы корейского происхождения – баптисты). В любом социальном контексте категории на различных уровнях инклюзивности могут быть идентифицированы либо иерархически, либо ортогонально (например, внутри социальных психологов любители парусного спорта образуют пересекающуюся категорию членства).

На каком уровне инклюзии наиболее велика вероятность складывания у людей социальных идентичностей? Теория оптимальной отличительности принимает во внимание роль относительной отличительности или инклюзивности социальной категории в качестве фактора социальной идентификации⁹. В противоположность дихотомическому разделению личностной и социальной идентичностей «я»-категоризация может рассматриваться в качестве континуума уровней инклюзивности. В социальном контексте или системе координат индивид может быть категоризирован (собой либо другими) по па-

раметру социальной отличительности – инклюзивности, который варьируется от уникальности (т.е. свойств, которые отличают индивида от любого другого) на одном полюсе до полной поглощенности социальным контекстом на другом. Удовлетворение от движения в направлении социальной ассимиляции напрямую соотносится с уровнем инклюзивности, тогда как удовлетворение потребности в самодифференциации соотносится с ним инверсивно.

Оптимальные идентичности – те, которые удовлетворяют потребности в инклюзии в ингруппу и одновременно – потребности в дифференциации через различия между ингруппой и аутгруппой. Люди противодействуют идентификации с такими социальными категоризациями, которые либо слишком инклюзивны, либо слишком дифференцированы, и определяют самих себя на языке таких социальных идентичностей, которые оказываются оптимально отличительными. Чтобы удовлетворить эти потребности одновременно, индивиды избирают такие групповые идентичности, которые достаточно «инклюзивны» – настолько, чтобы восприниматься в качестве части более крупной социальной общности, но достаточно «эксклюзивны» – настолько, чтобы служить основой для отличительности от других.

Равновесие поддерживают путем корректирования девиаций от оптимальности¹⁰. Ситуация, в которой человек открыто индивидуализирован, вызывает потребность в ассимиляции и мотивирует его к усвоению более инклюзивной социальной идентичности. Напротив, обстановка, вызывающая чувство деиндивидуации, активизирует потребность в дифференциации и в результате приводит к поиску более эксклюзивных или отличительных идентичностей. Такой мотив в дифференциации может быть удовлетворен двумя комплементарными способами: созданием «интрагрупповых» отличий (т.е. явно инклюзивная группа дифференцируется на отличимые подгруппы, с которыми далее возникает идентификация) либо созданием «интергрупповых» сравнений (т.е. фокусированием на различиях между ингруппой и контрастными аутгруппами).

Идентификация крупной категорией большинства мотивирует интрагрупповую дифференциацию и сравнение, а обратный процесс – с отличительной категорией меньшинства – мотивирует интрагрупповую ассимиляцию и интергрупповое сравнение. Аналогичным образом «я»-стереотипизация инверсивно соотносится с размером ингрупповой категории: индивиды, соотносящие себя с категорией меньшинства, оценивают самих себя выше по тем чертам, которые определяют ингруппу, по сравнению с индивидами, соотносящими самих себя с группой большинства.

Когда конкретная социальная идентичность является оптимально отличительной или возникают мотивы ассимиляции, тогда «я»-стереотипизация становится особенно сильной. При этих условиях следует ожидать, что черты, соответствующие группе, станут более доступными как часть «я»-концепции. Однако когда личность характеризуется через излишне инклюзивную категорию либо мотив дифференциации возник недавно, можно ожидать возникновения диссоциации от группового стереотипа и активизации более отличительной «я»-концепции. Тем самым относительная доступность групповых стереотипных черт, по сравнению с нестереотипными чертами в «я»-концепции, служит показателем функционирования мотивов ассимиляции, а не дифференциации.

Несмотря на то, что концепция оптимальной идентичности основывается на модели равновесия, данная теория предполагает точку динамического, а не статического равновесия. Как и теория «я»-категоризации, модель оптимальной отличительности предполагает, что люди активизируют либо конструируют социальные идентичности в качестве реакции на различные контекстуальные окружения или на недавно пережитые опыты. Первичное различие между этими теориями состоит в добавлении мотивационных компонентов, регулирующих предпочтения идентичности. Активизация соответствующих мотивов отличительности способна оказывать предсказуемые эффекты на принадлежность к важной для ощущения «я» группе

«включения» социальных идентичностей при определении действующей в данный момент «я»-концепции.

Одним из последствий динамических аспектов теории оптимальной отличительности является то, что принадлежность к одной и той же группе может быть более или менее оптимальной для «я»-концепции, в зависимости от того, какой мотив активизирован – мотив ассимиляции или мотив дифференциации. Социальная идентичность, специфическая в одном контексте, может стать общераспространенной в другом. Парадоксально то, что события, призванные объединять большие группы сходных друг с другом людей ради усиления групповой идентичности (например, конгресс Американской психологической ассоциации либо «марш миллиона человек» в Вашингтоне), могут оказывать стимулирующий эффект на тех, кто в них участвует, но потребность в дифференциации приводит к уменьшению идентификации с глобальной группой. Эффект утраты отличительности в подобных контекстах может быть ослаблен, если ситуация постоянно напоминает о групповых отличиях от аутгрупп и об иных символах эксклюзивности. Когда межгрупповые контрасты доминируют, тогда внутригрупповая ассимиляция ослабляется.

Предполагаются не только контекстуальные, но и темпоральные сдвиги в оптимальности. Принадлежность к одной и той же группе, удовлетворяющая потребность в инклюзии и потребность в отличительности, может со временем стать избыточно инклюзивной. Та мотивационная динамика, которая стимулирует ассимиляцию в оптимальную групповую идентичность (селективная аффилиация с членами ингруппы, гомогенизация аттитюдов и поведения), в действительности, способна приводить к субоптимальной утрате отличительности, которая мотивирует межгрупповую и внутригрупповую дифференциацию.

Поскольку оптимальные групповые идентичности удовлетворяют потребности в инклюзии и в отличительности, то социальным идентичностям угрожает то, что нарушает ощущение индивида своего включения в группу или разрушает специфичность

группы либо её границы, отделяющие данную группу от других. Обе формы угрозы должны, по-видимому, активизировать попытки пересмотра того, что является оптимальным, но каждая из них имеет свои последствия, приводящие к ориентации на ингруппу или на аутгруппу. Когда возникает угроза потребности в инклюзии, то люди могут восстановить ощущение оптимальной социальной идентичности двумя способами – либо отбросить идентичность, оказавшуюся под угрозой, и активировать альтернативные групповые идентичности, которые являются более безопасными, либо стимулировать те «я»-аспекты (представления, установки, черты личности), которые согласуются с групповым прототипом. Когда вовлеченность в группу высока (или альтернативные групповые идентичности недоступны), тогда последняя стратегия оказывается более вероятной. В этих случаях возникновение инклюзивных мотивов приводит к внутригрупповой ассимиляции и повышенной сензитивности к собственному положению в группе. Угрозы, вызванные ассимиляцией, усиливают внутригрупповое социальное влияние и конформность поведения¹¹ и подчёркивают важность символов внутригруппового статуса и уважения. В этом случае социальное «я» определяется преимущественно чертами, общими для членов данной ингруппы.

Угрозы групповой отличительности, с одной стороны, должны активизировать проблемы прояснения ингрупповых/аутгрупповых различий. Возрастание чёткости границ может быть достигнуто либо благодаря увеличению дистанции между ингруппой и аутгруппами (преувеличением тех характеристик, которые дифференцируют «нас» от «них»), либо за счет переформирования ингруппы таким образом, чтобы сделать её более эксклюзивной.

Члены групп большинства и меньшинства, вероятно, применяют для этого различные стратегии. Для количественно отличных групп поддержание чёткости границ может быть достигнуто путём фокусирования на тех характеристиках, которые делают их отличными от других. Однако для крупных групп большинства исключение из данной

социальной категории небольшого количества членов не удовлетворяет потребность в отличительности, поэтому наиболее вероятной стратегией явится переформирование группы.

В любом случае фокус должен быть обращён на межгрупповые сравнения и на относительное положение всей ингруппы относительно других. Когда отличительность оказывается под угрозой, то индивиды должны быть особенно восприимчивы к призывам поляризации групп, и гиперсензитивны по отношению к групповому статусу. В этих обстоятельствах социальное «я» определяется отличительными от ингруппы чертами (даже если они широко распространены) и невхождением в аутгрупповые категории, вплоть до отрицания ингрупповой принадлежности тех, кто обладает перекрестной категориальной идентичностью (идентичностями, перекрещивающимися с разными категориями). Последний аспект теории оптимальной отличительности указывает на важность эксплицитных аутгрупп для поддержания ингрупповых идентичностей. Когда ингрупповые границы чётки и потребность в отличительности удовлетворяется, тогда конкретные аутгруппы относительно неважны для достижения оптимальной идентичности. Релевантное различие в этом случае состоит между «нами» и «не-нами», и фокус индивидуального внимания должен быть обращен на стабильность включения индивида в категорию «мы». Когда границы категории неоднозначны либо проницаемы, то эксплицитные аутгрупповые категории могут быть необходимы для того, чтобы способствовать постижению специфического смысла «мы», противоположному «они» (где мы-группа частично определяется через то, что мы – не они). Эта динамика позволяет понять внешне парадоксальную интенсивность ингрупповых/аутгрупповых контрастов (и враждебность), часто наблюдаемых между группами, которые похожи друг на друга.

Что касается роли социальной идентичности в межгрупповых отношениях, то социальная идентичность – это, по сути, теория формирования ингруппы и ингрупповых предпочтений¹², а не теория аутгрупповой

ненависти или межгруппового конфликта. Ингрупповые предпочтения, действительно, способны оказывать эффект дискриминации, ставящий аутгруппы в непрестижное положение, а ингрупповые искажения способны мотивировать межгрупповые сравнения, которые создают позитивную отличительность в пользу ингруппы в ущерб аутгрупповому оцениванию. Эти сравнения мотивированы ингрупповой идентификацией и не направлены против аутгрупп. Угрозы существованию или статусу ингруппы способны мотивировать активную ненависть в отношении аутгрупп и межгрупповой конфликт, но в любой аутгрупповой враждебности отражается защищаемая ингрупповая идентичность. Иногда фокус направлен на «них», не активизируя конкретно «нас».

Хотя, в соответствии с теорией оптимальной отличительности, потребности в инклюзии и в дифференциации – универсальные человеческие мотивы, она не предполагает, что указанные потребности всегда одинаково сильны либо однозначны для всех индивидов. Индивидуальные различия темперамента, опыта социализации и культурных норм способны влиять на относительную силу потребностей в дифференциации и в инклюзии. Когда сильнее мотив дифференциации, тогда индивиды особенно чувствительны к утрате отличительности и достигают оптимальных идентичностей через относительно малые, специфические группы. Индивиды с сильной потребностью в ассимиляции особенно сензитивны к сигналам об эксклюзии и достигают оптимальной идентификации в относительно инклюзивных социальных коллективах. Тем не менее теория оптимальной отличительности предполагает, что границы существуют в той мере, в которой один мотив может быть удовлетворен путём исключения другого.

Основополагающее положение теории социальной идентичности состоит в том, что обе потребности – фундаментальные видовые характеристики, возникшие из социальных требований человеческой эволюции. Следовательно, крайний индивидуализм или крайний коллективизм создают дискомфорт для всех людей. Избыточные проявления

этих качеств вызывают не только социальную тревожность и стресс, но и нарушение когнитивных способностей и, вероятно, физиологические симптомы, ассоциированные с распадом иммунной системы.

Когда в различных культурах ставятся акценты на важности и удовлетворении одной потребности за счет другой, тогда возникающие в результате контрасты в оптимальной социальной идентификации становятся более очевидными, нежели лежащие в их основе общие психологические механизмы¹³. Когда предприниматель из США испытывает дистресс от инклюзии в большой гомогенный коллектив, а его китайский партнер такого дистресса не испытывает, тогда различия начинают выглядеть не относительными, а абсолютными. Однако, если обеим сторонам приходится пережить опыт и эмоциональные реакции, связанные с широким спектром социальных категоризаций, то вероятно, что им удастся найти точки конвергенции в своих феноменологических состояниях. Понимание мотивационной динамики социального «я» способствует пониманию и принятию культурных различий и общечеловеческих сходств.

Примечания

- ¹ См.: *Triandis H.C.* The Self and Social Behavior in Differing Cultural Contexts // *Psychological Review*. 1989. №96. P.506–520; *Triandis H.C.* Culture and Social Behavior. N.Y., 1994.
- ² См.: *Tajfel H., Turner J.C.* The Social Identity Theory of Intergroup Behavior // *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, 1986. P.7–24.
- ³ См.: *Turner J.C., Hogg M.A. et al.* Rediscovering the Social Group: Self-Categorization Theory. Oxford; N.Y., 1987. P.50.
- ⁴ См.: *Social Psychology and Cultural Context* / Ed. by J. Adamopoulos, Y. Kashima. Thousand Oaks, 1999. P.32.
- ⁵ См.: *Turner J.C.* Social Influence. Pacific Grove, CA, 1991.
- ⁶ См.: *Brewer M.* The Social Self: On Being the Same and Different // *Personality and Social Psychology Bulletin*. 1991. №17. P.475–487.
- ⁷ См.: *Brewer M.* Op. cit. P.477.
- ⁸ См.: *Tyler T.R., Kramer R.M., John O.P.* The Psychology of the Social Self. Mahwan, New Jersey, 1999. P.73.
- ⁹ См.: *Brewer M.B., Silver M.* Ingroup Bias as a Function of Task Characteristics // *European Journ. of Social Psychology*. 1978. №8. P.393–400
- ¹⁰ См.: *Brewer M.B.* Ingroup Bias in the Minimal Intergroup Situation: A Cognitive-Motivational Analysis // *European Journ. of Social Psychology*. 1979. №8. P.393–400.
- ¹¹ См.: *Hogg M., Abrams D.* Social Motivation, Self-Esteem and Social Identity // *Social Identity Theory: Constructive and Critical Advances*. Hemel Hempstead, 1990. P.28–47.
- ¹² См.: *Brewer M.B., Miller N.* Intergroup Relations. Pacific Grove, CA, 1996.
- ¹³ См.: *Triandis H.C.* Individualism & Collectivism. Boulder, 1995.